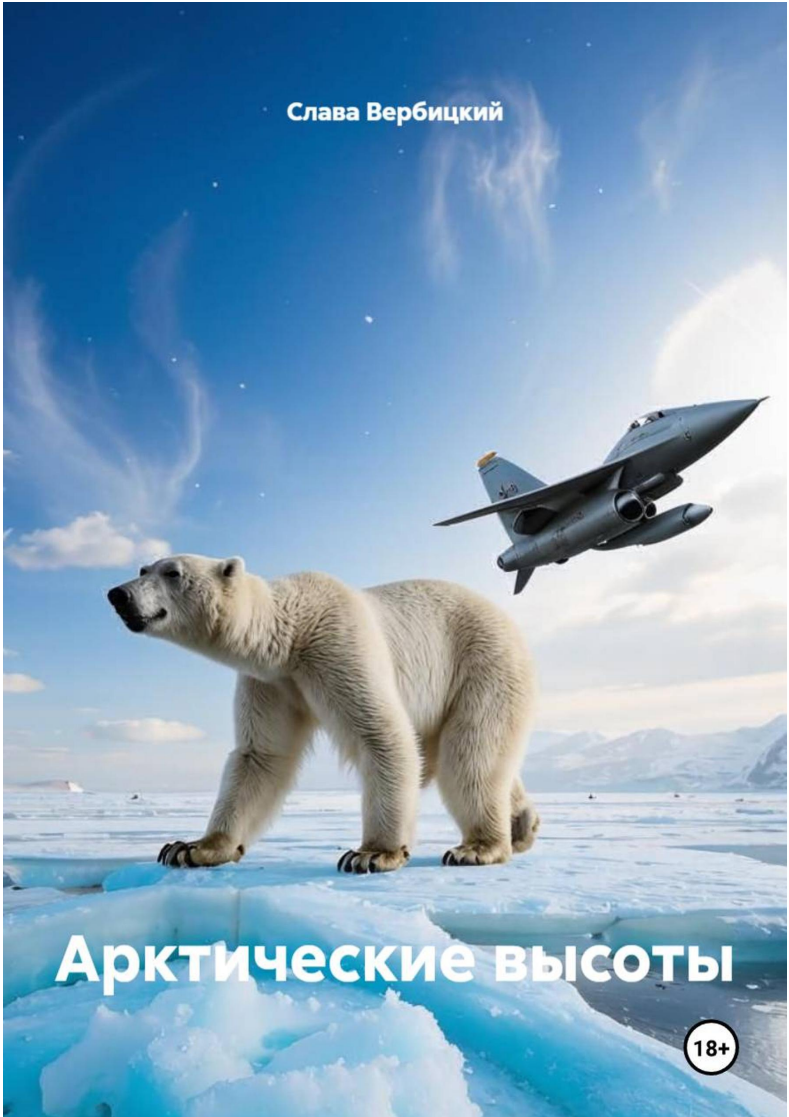

Слава Вербицкий
Арктические высоты
18+

Слава Вербицкий
Арктические высоты

https://litres.ru/74771232
SelfPub; 2026

Аннотация

Семнадцатилетний школьник Слава Крайнов совершает самую безумную ошибку в жизни — влюбляется в свою молодую учительницу. На выпускном вечере, промокший под проливным сибирским дождем, он бросает ей отчаянный максималистский ультиматум: «Встретимся через десять лет!».

Но жизнь безжалостно сбивает спесь. Опоздав с подачей документов в авиационное училище, Слава попадает на суровую срочную службу в Заполярье, на самый «край земли» — в Амдерму. Льды, бураны, спасение детей в ледяном аду и жесткий отбор навсегда выжигают из него мальчишество. Пройдя через ЧВВАКУШ, он возвращается на Север.

Все эти годы он исступленно штурмует свои «арктические высоты», шасси перехватчика грызёт лёд и вытесняет натовские «Орионы» над Карским морем, ведя внутренний штурманский отсчет. Он держит высоту ради одного-единственного человека.

Ровно через десять лет, в лихорадочном июле 1989-го, когда вся страна трещит по швам, на занесенную ледяной крупой бетонку Амдермы из гражданского самолета выходит она.

Содержание

Пролог. 4
Часть 6
Глава 1. Урок русского. 7
Глава 2. Линия раздела 10
Глава 3. В дюйме от губ 13
Глава 4. Экзамен на прочность 17
Глава 5. Тот, кто на краю 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Слава Вербицкий
Арктические высоты

Пролог.

Эта история началась в шестом классе. Моим соседом по парте тогда был Андрей Кондратюков.— Славка, слышишь? — шепчет мне Андрюха.— Что? — откликаюсь я так же шепотом, с опаской глядя на учителя.— А давай после школы, со мной, в Челябу? Там авиационное, штурманское. Зазырь: прокладка маршрута, навигация. И это не на земле или море, а там... — и он глазами показал на потолок, туда, где за тысячи метров над землей застыли голубые просторы. Его слова стали той самой искрой, из-за которой в моем сердце разгорелось пламя. Моими настольными книгами стали «Два капитана» Каверина, старенькие, зачитанные до дыр Байдуковские «Записки пилота» и его же новая, пахнущая типографской краской повесть «Валерий Чкалов», которую я раздобыл в тот год. Тогда я еще не знал, что «прокладка маршрута» станет не просто предметом в училищном расписании, а моей судьбой. Что навигация — это не только умение не заблудиться в стратосфере, но и способность

не потерять себя, когда компас жизни сходит с ума. А позже в моей жизни появилась Она, и мой маршрут, начерченный на полях школьной тетрадки, навсегда изменил свою конечную точку.

Часть I. Дюйм до края

Глава 1. Урок русского.

Томская область, 1978 год

Она появилась в нашей школе в сентябре, когда мы только перешли в девятый. Сибирская осень в тот год была прозрачной и тихой. Мы, пятнадцатилетние остолопы с вечно сбитыми костяшками и пробивающимися басами в голосе, ждали «русичку» — старую Анну Сергеевну, но дверь кабинета распахнулась, и вошла она – изящная и миниатюрная.

Ей было двадцать три. Она только что закончила Омский пед и, кажется, сама боялась нас больше, чем мы её. Парни были ошарашены её видом: молоденькая девушка, в строгом темно-синем костюме, который совсем не вязался с её легкой, почти летящей походкой.

— Здравствуйте. Садитесь, — сказала она, и в классе установилась такая тишина, какой не бывало даже на контрольных по физике.

— Меня зовут Людмила Григорьевна. Я буду вести у вас русский язык, литературу и... — она на секунду умолкла, как бы стесняясь, — я ваш классный руководитель.

Она открыла журнал, и я впервые увидел её руки. Тонкие пальцы, аккуратные ногти и — кольцо

на безымянном пальце. Это кольцо тогда показалось мне черной меткой капитана Флинта — границей, которую нельзя пересекать.

Я, Крайнов Вячеслав, а тогда просто Славка, сидел на второй парте и смотрел не в учебник, а на то, как прядь её волос выбилась из химической завивки, когда она наклонилась над столом. Людмила Григорьевна пахла весной посреди осени. Это был тот самый горьковатый аромат, который позже я буду искать во всех встречных женщинах — и не найду!

Весь девятый класс прошел для меня в каком-то полусне. Я стал учить правила пунктуации так, будто от каждой запятой зависела моя жизнь. Я выходил к доске, чувствуя её близость, и когда она проходила мимо, поправляя тетради, я замирал, боясь вдохнуть слишком громко , не смея поднять глаз выше края её темно-синей юбки.

Однажды в ноябре, когда за окнами повалил густой хлопьевидный снег, она оставила меня после уроков — я снова «напортачил» в сочинении по Тургеневу. В классе было сумеречно, горела только лампа над её столом.

— Слава, ты ведь способный мальчик, — она пододвинула свой стул ближе, и я почувствовал тепло, исходящее от её плеча. — Почему ты пишешь о Базарове так, будто он тебе лично что-то должен?

Я молчал. Смотрел на её губы, на крошечную родинку у уха и чувствовал, как в груди разгорается тяжёлый, незнакомый пожар. В тот момент я впервые понял, что такое эротика тишины. Мне хотелось коснуться её руки, просто чтобы проверить : настоящая она или это морок, порождённый ранними сумерками.

— Я просто... просто думаю, что он был дурак, — буркнул я, не в силах скрыть дрожь в голосе. — нельзя так с чувствами.

Учительница внимательно посмотрела на меня. В её взгляде не было учительской строгости — там было что-то женское, понимающее и, как мне показалось, испуганное. Она быстро отстранилась и закрыла журнал.

— Иди домой, Крайнов. Уже поздно.

Я шёл домой через сугробы, и мороз не остужал меня. Я знал две вещи: во-первых, я стану штурманом, чтобы улететь отсюда как можно дальше, а во-вторых —я покину этот город, но даже улетев, я никогда не смогу её забыть.

Глава 2. Линия раздела

К десятому классу я вытянулся, раздался в плечах и окончательно перестал быть для нее «мальчиком со второй парты». Теперь, когда я выходил к доске, мне приходилось чуть наклоняться, чтобы встретиться с ней взглядом. Моя фамилия стала звучать в ее устах как-то иначе.

— Край - нов, к доске, — твёрдо говорила она, и в этом сухом «Крайнов» мне слышался вызов.

Я чувствовал, что она борется со мной. Точнее, с моим взглядом, — с тем, как я смотрю на неё. А смотрел я прямо, не мигая, по-мужски, жёстко, но в то же время, будто сканируя её сквозь одежду, исследуя то что не доступно видеть другим. Моя фамилия как бы обязывала меня всегда быть на краю: на краю приличия, на краю дозволенного.

Однажды в апреле, когда школа дышала сыростью и предчувствием весны, нас отправили на субботник в старый школьный сад. Людмила Григорьевна была в лёгком свитере, который подчёркивал её хрупкость, и в старых джинсах — образ, который окончательно лишал её статуса «учительницы». Мы разгребали прошлогоднюю листву. Я работал яростно, стараясь выплеснуть в физический труд всё то, что жгло

меня изнутри. В какой-то момент она подошла сзади, чтобы поднять пустые мешки. Мы столкнулись.Я резко обернулся. Она не успела отшатнуться. Расстояние между нами сократилось до опасного — я чувствовал её дыхание, видел, как дрогнули её ресницы, испачканные весенней пылью. На её щеке темнел мазок земли.— У вас... тут, — хрипло сказал я.Я не должен был этого делать. Но я поднял руку и большим пальцем коснулся её скулы, стирая грязь. Моя кожа почувствовала её кожу — горячую, нежную, живую. Это прикосновение длилось всего секунду, но по телу прошёл разряд такой силы, что у меня потемнело в глазах.

Людмила Григорьевна замерла. Её глаза расширились. В них не было гнева. В них был чистый, первобытный испуг женщины, которая вдруг осознала, что этот «ученик Крайнов» уже сильнее её. Что он — край, за который ей страшно заглядывать.— Крайнов, — прошептала она, и это было не обращение по фамилии. Это был стон. — Крайнов, не надо так…

Она резко развернулась и почти убежала к другим ребятам. А я остался стоять, сжимая в ладони черенок грабель так, что дерево едва не хрустнуло. На моём пальце осталось тепло её лица. В тот вечер я впервые подумал, что мечта о полярном небе — это не просто грёзы о штурвале. Это единственное место, где веч-

ный холод сможет унять этот пожар.

Глава 3. В дюйме от губ

Запах старой бумаги и книжной пыли в библиотеке всегда казался мне запахом застывшего времени. Здесь было прохладно даже в самые жаркие дни мая. Я бродил между стеллажами, ведя пальцами по корешкам, пока рука не наткнулась на нечто чужеродное — плотный, потрепанный переплет.

Это был «Авиационный англо-русский словарь». Я вытянул его, недоумевая, как этот технический фолиант затесался в компанию к «Евгению Онегину» и «Горю от ума».

— Интересуешься? — раздался тихий голос за спиной.

Я вздрогнул. Людмила Григорьевна стояла у соседнего стеллажа. В полумраке библиотеки ее глаза казались огромными и глубокими, как ночное небо. Она подошла ближе, кивнув на книгу в моих руках.

— Редкая вещь для нашей школы. Наверное, кто-то из бывших учителей оставил. Думаешь, пригодится там, на твоих «крайних высотах»?

Я медленно закрыл словарь, чувствуя, как под кожей начинает пульсировать кровь. Расстояние между нами в этом узком проходе было таким, что я слышал шелест ее дыхания.

— Я интересуюсь вами, — сказал я, и мой голос прозвучал глухо, без тени мальчишеской бравады.

Я сделал шаг вперед. Книжные полки сжали нас в тесном пространстве, отрезая от всего остального мира. Людмила Григорьевна не пошевелилась. Она смотрела на меня, и в ее взгляде не было ни капли учительского превосходства — только обнаженная, пугающая женская беззащитность.

Я наклонился к ней. Мои губы замерли в дюйме от ее губ. Я чувствовал исходящий от нее жар, видел, как мелко дрогнула ее нижняя губа. Эротика этого момента была почти осязаемой: в тишине библиотеки было слышно только бешеное биение моего сердца и ее прерывистый вдох.

Один дюйм. Расстояние, которое отделяло ученика Крайнова от мужчины, готового разрушить всё ради этого поцелуя.

— Слава... — прошептала она, и в этом имени было всё: и мольба остановиться, и отчаянное желание, чтобы я этого не делал. — Слава, не надо. Мы на краю.

— Крайнов всегда на краю, — выдохнул я ей в самые губы. — Вы ведь знаете.

Я не поцеловал ее тогда. Не смог. Или не захотел брать ее вот так, среди пыльных книг, когда за дверью могли послышаться шаги технички. Но этот несостоявшийся поцелуй, это электричество в дюйме от губ,

жгло меня сильнее, чем если бы я коснулся ее.

Я резко отстранился, поставил словарь обратно на полку — прямо поверх «Горя от ума» — и вышел из библиотеки. Между нами был Он...

Она была замужем. Он, высокий, молчаливый инженер с местного завода, иногда заходил за ней после школы. Он курил во дворе, по хозяйски опираясь на капот своей «Лады», и я ненавидел его каждой клеткой своего тела. Я ненавидел то, как он брал ее за талию, как она послушно садилась в машину.

Для всего города они были образцовой парой. Молодые специалисты, интеллигенция. Только я, проходя мимо, видел, как она иногда опускает голову, когда он что-то резко выговаривает ей. Она была для него трофеем, красивым приложением к жизни. А для меня она была Богиней.

— Сынок, ты завтракаешь? — окликнула меня на кухне мама , глядя на мою нетронутую яичницу. — Совсем исхудал со своим полярным небом. Скоро в своё училище шкуру да кости повезешь.

Мать не знала, что небо было для меня всего лишь предлогом. Я строил маршруты на воображаемых полетных картах, но все они, так или иначе, проходили через тот дом, её — моей Людмилы.

В ту весну я понял, что эротика — это не близость. Это невозможность близости. Это когда ты стоишь в

трех шагах от нее на уроке, слушаешь, как она читает Блока, и понимаешь, что за каждое слово этого стихотворения ты готов отдать десять лет своей жизни. Лишь бы она читала его только тебе.

Глава 4. Экзамен на прочность

Начало июня семьдесят девятого в Сибири — это время, когда солнце светит нещадно, а из открытых окон школы тянет ароматом первой травы и разогретого гудрона. Мы сдавали литературу. В классе стояла духота, в которой отчетливо слышался шорох ручек по бумаге и мерное тиканье настенных часов. Я сидел на своем месте и смотрел, как Людмила Григорьевна проходит между рядами. На ней было легкое светлое платье в мелкий цветочек, которое она раньше не надевала. Она шла медленно, и каждый шаг отдавался во мне глухим ударом сердца. Поравнявшись с моей партой, она остановилась. Я не поднял головы, продолжая выводить на листке цитату из Маяковского, но почувствовал ее близость всем телом. От нее пахло свежестью и — совсем чуть-чуть — теми самыми духами, которые сводили меня с ума.

— Крайнов, — тихо, почти шепотом произнесла она. — У тебя здесь ошибка. Она наклонилась, чтобы указать на строчку. Ее рука в одно мгновение оказалась в сантиметре от моей. Я видел тонкие голубые жилки на ее запястье и пушок на предплечье, позолоченный утренним солнцем. Это было невыносимо. Вся острота этого момента была в том, что мы оба

знали: в классе еще тридцать человек, и тишина вокруг нас — лишь тонкая ледяная корка над бездной. Я медленно повернул голову. Наши лица оказались на одном уровне. Она не убрала руку. В ее глазах, обычно таких спокойных и учительских, я увидел настоящий пожар. Она смотрела на мои губы, а я — в самую глубину ее зрачков, где билось загнанное «нельзя». — Исправьте, Людмила Григорьевна, — хрипло ответил я, глядя ей прямо в глаза. — Вы ведь любите, когда всё правильно. Она вздрогнула, будто я коснулся ее током. Ее дыхание на мгновение прервалось. Она выпрямилась так резко, что задела краем платья мой локоть, и этот мимолетный контакт был острее, чем поцелуй. — Исправляй сам, Крайнов, — бросила она, уходя к своему столу почти бегом. Я смотрел ей в спину и понимал: она боится меня. Боится того, что этот семнадцатилетний пацан по фамилии Крайнов видит ее насквозь. Видит ее одиночество, тоску и ту жажду жизни, которую она пытается спрятать за томиком классики.

Глава 5. Тот, кто на краю

После экзамена я не пошел домой. Я дождался, пока все разойдутся, и сел на лавочку в школьном саду, подальше от входа. Я ждал, и она вышла только через час. Шла медленно, глядя себе под ноги. Я поднялся ей навстречу. Она увидела меня и замерла, прижав к груди сумку с тетрадями.

— Крайнов, ты почему еще здесь? — в ее голосе не было строгости, только бесконечная усталость.

— Ждал вас. Хотел сказать... я уезжаю сразу после выпускного. За Урал, в училище. А после, как Саня Григорьев — в Арктику!

Она кивнула, глядя куда-то в сторону.

— Это хороший выбор, Слава. Арктика — это серьезно. Там нужны такие, как ты. Твердые.

— Крайнов — твердая фамилия, — усмехнулся я. — Но Арктика — это не про лед. Это про то, чтобы найти край, где можно дышать. Здесь мне дышать нечем, Людмила Григорьевна.

Я сделал шаг к ней. Она не отступила. Между нами оставалось полметра — та самая невидимая черта.

— Вы ведь знаете почему, — сказал я, понизив голос до предела.

— Не надо, Слава... Пожалуйста. — Она закрыла

глаза. — Тебе семнадцать. У тебя вся жизнь впереди. Полеты, небо, другие женщины...

— Других не будет, — отрезал я. — Будете только вы. На каждой карте, на каждом аэродроме. Я буду штурмовать эти высоты только ради того, чтобы вы однажды посмотрели на меня не как на ученика.

Она открыла глаза. В них стояли слезы. Она протянула руку и на мгновение коснулась моей щеки — быстро, как крылом птицы.

— Иди, Крайнов. Иди и не оглядывайся.

Я развернулся и ушел. Я не оглянулся, как она и просила. Но я знал, что за моей спиной она всё еще стоит в золотых лучах полуденного солнца, и ее рука всё еще хранит тепло моего лица.

До выпускного оставалась неделя. До конца детства — дни. До Амдермы — близко, но я этого не знал…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.